

Хранительница Земли

Катерина Пламенная

Катерина Пламенная Хранительница Земли

<https://litres.ru/74376798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ее мир после трагедии сузился до размеров экрана. Его мир — это холодные вершины корпоративной империи и тайна, которую нельзя раскрыть. Она боится взглядов. Он боится прошлого. Их встреча — случайность, за которой кто-то зорко следит. А когда в ее руки попадает странный артефакт, Луна начинает слышать голос самой Земли. Теперь ей предстоит не просто выжить. Ей предстоит понять, кто она на самом деле, и решить, довериться ли тому, кто когда-то был причиной ее кошмара. Потому что тишина, в которой они прятались, скоро взорвется.

Катерина Пламенная Хранительница Земли

Глава 1. Спасти незнакомца

Музыка в «Эклипсе» была не просто громкой. Она была физической субстанцией, плотной и вязкой, которая не просто била в уши, а вибрировала в груди, стекала холодными мурашками по позвоночнику и заставляла стеклянные столики на VIP-балконе мелко дребезжать, поблескивая в такт вспышкам стробоскопов. Для Луны это было слишком. Не просто неприятно — это было насилие над ее привыкшей к тишине нервной системой. Она прижалась спиной к прохладной поверхности барной стойки, пытаясь поймать глоток воздуха, который не пах бы сигаретным дымом, потом и дорогим, удушающим парфюмом. Ее подруга Лиза, сияющая в облегающем серебристом платье, уже растворилась в танцующей толпе, оставив ее одну — вечную тихоню, которую настойчиво уговорили «вылезти из раковины» и «развеяться».

«Развеяться». Луна скептически осмотрела свое отражение в полированной поверхности стойки: простое черное платье без фасона, словно униформа отшельницы, собранные в тугую, не терпящий непослушания хвост темные воло-

сы, минимум макияжа. Она была здесь инопланетянкой, существом из другого измерения, где тишина ценилась выше громких битов, а книги были увлекательнее пустых взглядов. И это вызывало не столько дискомфорт, сколько усталую, почти научную отстраненность. Ее мысли были далеко — с родителями, геологами, которые вот уже месяц как находились в экспедиции на Камчатке, в краю гейзеров и спящих вулканов. И с младшей сестрой Алисой, гениальной непоседой, которая наверняка в это самое время взламывала какой-нибудь учебный сервер престижного университета не ради вреда, а исключительно ради спортивного интереса и собственного развлечения. Луна вздохнула, перебирая в пальцах соломинку от давно забытого коктейля. Ей хотелось домой, в тишину квартиры, заваленной книгами и образцами минералов.

Ее взгляд, блуждающий по залу в поисках хотя бы тени уединения, случайно скользнул по VIP-зоне. Там, за низким барьером из черного стекла, царила другая вселенная. Полутьма, нарочитая и дорогая, свет лишь от точечных светильников, выхватывающий грань хрустального бокала или контур скулы. И двое молодых людей, сидевших за столиком, притягивали взгляды, как магниты, даже в этом царстве тщеславия.

Один, старший, сидел откинувшись в кресле, его поза была спокойной, наблюдательной, позой хищника, который позволяет суете происходить вокруг, но не участвует в ней.

Он что-то негромко говорил своему спутнику, медленно вращая бокал в длинных пальцах. Его профиль в слабом свете казался вырезанным из мрамора — четким, холодным, незыблемым. Линия челюсти напряжена, взгляд скрыт под темными ресницами, но даже на расстоянии чувствовалась его концентрация и некая внутренняя тяжесть, не по годам серьезная.

Второй был его полной противоположностью. Молодой, порывистый, заряженный энергией. Он двигался, жестикулировал, смеялся слишком громко и резко, перекрикивая музыку, как будто бросая ей вызов. Его светлые, почти платиновые волосы падали на высокий лоб, а в широкой, открытой улыбке было что-то вызывающее, дерзкое, слегка надменное. Золотая молодежь, подумала Луна с легким внутренним презрением. Типичный мажор, купающийся во внимании, деньгах и собственной безнаказанности. Продукт праздной жизни.

Она уже собиралась отвернуться, устав от этого спектакля, когда ситуация изменилась с тревожной быстротой. К их столику подошла группа из трех парней, лица которых кривили недружелюбные, откровенно агрессивные гримасы. Слов было не разобрать, но язык тела кричал о назревающем конфликте. Плечи напряжены, кулаки сжаты. Младший вскочил, его изящная, расслабленная поза сменилась агрессивной, почти боксерской стойкой. Он что-то резко крикнул, толкнул одного из подошедших в грудь, явно провоцируя.

И все завертелось с пугающей скоростью.

Старший поднялся мгновенно, с грацией большой кошки. Его движения были четкими и быстрыми. Он попытался встать между младшим и толпой, одной рукой отстраняя его за плечо, другой — блокируя пространство перед нападавшими. На его лице не было страха, только холодное, предрешающее сосредоточение. Но младший, опьяненный адреналином и бравადой, вырвался. Завязалась потасовка. Охрана ринулась через зал, но VIP-зона была в стороне, и путь через плотную толпу занимал драгоценное время.

Луна, завороченная ужасом, видела все как в замедленной съемке. Она видела, как один из нападавших, коренастый, с бычьей шеей и короткой стрижкой, достал из-за пояса не нож, а тяжелый стеклянный джиггер для льда — штурковину с острыми, четкими гранями, способную нанести страшный удар.

Младший же, увлеченный дракой со вторым парнем, разворачиваясь спиной, не видел этой опасности. Удар был нанесен точно, методично, с явным намерением попасть в висок.

И в этот самый миг в Луне что-то щелкнуло. Не мысль, не анализ ситуации. Ее тело среагировало само, подчиняясь древнему, глубинному инстинкту, который она унаследовала от своих всегда спасающих кого-то родителей — инстинкту защитить. Броситься между бурей и жертвой. Она рванула с места, проскользнула мимо растерявшегося бармена, ловко

увернулась от ошеломленного вышибалы и оказалась рядом со столиком в тот самый миг, когда рука с джиггером пошла вниз.

— Эй! — крикнула она, и ее голос, обычно такой тихий и мягкий, прозвучал неожиданно громко, низко и властно, перекрыв на секунду грохот басов.

Она не стала толкать нападавшего — это могло бы только усилить размах удара. Вместо этого она резко, изо всех сил дернула за руку младшего, стаскивая его с линии атаки. Он, не ожидая такого, споткнулся о низкий столик и грузно рухнул на диван, увлекая за собой и ее. Джиггер просвистел в сантиметре от того места, где только что была его голова, и звонко, с сухим треском, разбился о бетонную стену, рассыпавшись осколками.

На секунду воцарилась пустота, полная шока и звенящей тишины, которую Луна ощущала лишь внутренне. Потом грохот музыки вернулся, но теперь он казался приглушенным, далеким. Луна, отдышавшись, ощущая резкую боль в локте, о который она ударилась при падении, подняла голову. Ее глаза встретились со взглядом старшего. Он уже стоял над ними, как щит. В его темных, почти бездонных глазах промелькнуло нечто стремительное — молниеносное удивление, мгновенная оценка ситуации, холодный анализ. Ни капли паники или растерянности. Только ясность и жесткая, неумолимая решимость. Его взгляд скользнул по ней, задержался на лице, будто считывая информацию, и вернулся к

нападавшим.

— Спасибо, — произнес он четко, отрывисто, и его голос, низкий и властный, странным образом, был слышен сквозь всеобщий грохот. Он говорил не с ней. Это была констатация факта, вошедшая в общий расчет. Его внимание было целиком приковано к трим, на которых уже навалилась, наконец, подоспевшая охрана.

Младший оттолкнул Луну, вскакивая, его лицо было искажено не благодарностью, а яростью от испытанного унижения. — Да я сам бы их! — выпалил он, яростно поправляя мятую дорожную рубашку. Его взгляд, голубой и холодный, как лед, скользнул по Луне с высокомерным раздражением, как будто она испортила ему всю забаву, лишила его законной победы. — Чего лезешь, а? Тебя кто просил?

Это был удар. Не физический, но от этого не менее болезненный. Луна почувствовала, как жаркая волна стыда и обиды приливает к щекам, сжигая все внутри. Ее порыв, ее нелепый, наивный рыцарский порыв, был не просто не оценен — он был растоптан, высмеян тем, кого она, по сути, спасла от тяжелой травмы, а может, и чего хуже.

Старший резко обернулся, и в его интонации, всегда такой контролируемой, впервые появилось острое, стальное лезвие: — Заткнись, Айзек. Пошёл к выходу. Сейчас же. Это не просьба.

Тот, младший, буркнул что-то невнятное, но, встретившись со взглядом старшего, сник. Он бросил на Луну по-

следний, полный презрения взгляд и, оттесняемый одним из охранников, направился к служебному выходу. Старший на мгновение задержался. Он снова посмотрел на Луну, которая все еще сидела на полу, и в его взгляде появилась тень чего-то похожего на смущение или досаду, но все такое же нечитаемого, скрытого за броней самообладания. — Вам лучше уйти отсюда. Сейчас здесь будет... неприятно, — сказал он, и его голос смягчился на полтона. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, достал не визитку, а тонкую платиновую карту с логотипом, который она не узнала — стилизованный щит с крыльями. — Если будут какие-либо проблемы из-за этого... свяжитесь.

Но Луна уже отстранилась, резко мотнув головой. Ей не нужно ничего от этих людей, от их мира, от их проблем. Ей было до слез стыдно, горько обидно и теперь еще и по-настоящему страшно от осознания, на какую грань она только что ступила. Она просто кивнула, не глядя на протянутую карту, поднялась на дрожащих ногах и, не оглядываясь, побежала к главному выходу, теряясь в толпе, которая теперь жадно взирала на разворачивающийся скандал.

Она выскочила на прохладный, почти осенний ночной воздух, дрожа крупной, предательской дрожью. Сзади, из-за тяжелых дверей клуба, доносились приглушенные крики, звуки борьбы, звон разбитого стекла. Ей нужно было домой. Сейчас же. В тишину, в безопасность.

Инстинктивно желая скорее скрыться, она свернула в тем-

ный, узкий переулочек — короткий, как она помнила, путь к станции метро. Фонарь на его входе мигал, наливая окружающий асфальт и стены старых зданий зловещим желтым светом. Ее шаги отдавались гулким, одиноким эхом по брусчатке. И только тут, в этой давящей тишине, контрастирующей с недавним адским грохотом, до нее дошла вся глупость этой затеи.

Тени у стены зашевелились и отделились от кирпичной кладки. Их было трое. Лица, искаженные злобой и возбуждением от драки, были ей знакомы — это были те самые парни из клуба. Видимо, их вышвырнули раньше, чем задержали. Тот, что с джиггером, тер ушибленную ладонь о ребра, его дыхание было тяжелым, свистящим.

— Ну что, героиня? — просипел он, делая шаг навстречу. Его глаза блестели мутным, недобрым блеском. — Красивый жест. Рыцарский. Испортила все. Надо было тебя проучить сразу, как сунула свой нос.

Луна отступила, наткнувшись спиной на холодную, шершавую стену. Тупик. Сердце колотилось так бешено и громко, что, казалось, перекрывало слух и дыхание. Она видела блеск в его руке. Теперь это был нож. Не эффектный кинжал, а короткий, широкий, утилитарный и оттого еще более страшный.

— Пожалуйста, — прошептала она, но слово потерялось, застряло комом в горле и растворилось в тяжелой тишине переулочка.

Он сделал выпад. Не чтобы убить — чтобы покалечить. Научить «не лезть не в свое дело», запомнить. Острая, жгучая, невероятно живая боль рассекла кожу на левой щеке, от скулы почти к углу губ. Мир на мгновение погрузился в оглушительный, белый шум, в котором не было ни звуков, ни мыслей, только всепоглощающее ощущение жжения и тепловой струйки, поползшей по коже.

Потом звуки ворвались обратно: дикий крик (ее собственный? чужой?), приближающийся топот тяжелых ботинок, резкий окрик, полный такой нечеловеческой ярости, что она вздрогнула, уже сползая по стене. Кто-то сильный, как ураган, отшвырнул нападавшего от нее, и тот с глухим стуком ударился о противоположную стену. В поле ее сужающегося зрения мелькнуло знакомое лицо — Старший. Его черты, обычно такие бесстрастные, теперь были искажены холодным гневом. Он что-то кричал в телефон, прижимая его плечом к уху, одновременно прикрывая ее своим телом от остальных. В его движениях не было ни капли паники, только жесткая, отлаженная эффективность.

Но Луна уже почти ничего не видела и не слышала. Она медленно скользила вниз по шершавой стене, ладонь судорожно прижата к жгущей щеке, сквозь пальцы сочилось что-то теплое, обильное и липкое. Мир расплывался в темные пятна. Последнее, что она успела увидеть перед тем, как сознание поплыло и оборвалось, — это два силуэта у выхода из переулочка. Младший, с высокомерно поднятой головой и

нетрезвой походкой, сидел в низкий черный автомобиль с тонированными стеклами. Старший, обернувшись на мгновение, бросил на нее быстрый, непроницаемый взгляд, в котором, возможно, была тень чего-то... похожего на вину? Нет, ей показалось. Он что-то сказал подбежавшему человеку в форме и сел в машину. Дверь захлопнулась. Машина мягко тронулась с места и растворилась в ночи. Они уезжали. Оставляли ее здесь, одну, в холодной, пахнущей мусором и ее собственной кровью луже чужой жестокости.

А потом — только отрывочные, обрывочные кадры: мигающий красный свет «скорой», бьющий в закрытые веки; безжалостно яркий, ослепительно белый потолок реанимации; перекошенное от волнения лицо Лизы; и далекий, как из тоннеля, тихий, усталый голос врача: «Держись, девочка. Резаная рана, повреждена мышца. Шрам останется, это да. Но жива — и это уже хорошо, считай повезло».

Хорошо. Да. Просто замечательно. Она спасла того, кто этого не стоил, и получила в награду отметину на всю жизнь. И где-то там, в другом мире, мчались в темноте два брата — один, полный ядовитого пренебрежения, другой — холодно-го, невысказанного долга. А ее мир, тихий и упорядоченный, дал трещину, и через эту трещину ворвалась опасная, незнакомая реальность. И началось все это с одного неверного шага в темный переулок.